

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ НА ТРАДИЦИОННОМ КАВКАЗЕ: КРОВНАЯ МЕСТЬ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

М.А. Текуева
Е.А. Нальчикова
М.Х. Гугова
М.И. Барзбиев

Предметом рассмотрения в статье является институт кровной мести с точки зрения микроистории. Актуальность темы диктуется живучестью идеологических реликтов традиционного сознания. Изучение причин и частных обстоятельств возмездия у народов Северного Кавказа за оскорбление и убийство позволяет выявить тенденции развития/упадка общественного института. Материалами, привлеченными для анализа, выбраны неопубликованные архивные дела из Центрального государственного архива КБР за 1820-1919 гг. В контексте повседневного существования социума громче звучат вопросы о том, как сдержать волну мести, как сохранить семью, род от ответственности за действия одного, как уберечь своих потомков от перспективы взять на себя бремя убивать. Историко-антропологический подход к изучению приведенных документальных фактов дает возможность «оживить» историю частными деталями и переживаниями действующих лиц. Документы отражают эмоциональные связи членов семьи и попытки выхода из заданных традицией требований отомстить через поправки к ней, сдерживающие агрессию. Установлено, что изменения в реализации обычаев кровной мести у кабардинцев и балкарцев за период, взятый для изучения и отраженный в приведенных источниках, можно охарактеризовать как деградацию традиции. Акцентирование внимания на повседневном фоне описываемых событий высвечивает отдельные детали, наполняет изучаемые юридические казусы эмоциональными побуждениями и драматическими последствиями поступков конкретных людей, выявляет соответствие их действий принятым нормам или сопротивление закону.

Ключевые слова: кровная месть, повседневность, обычное право, Северный Кавказ, кабардинцы, балкарцы, суд.

В представлениях о традиционном Кавказе распространены устойчивые клише, как об обществе, жившем по законам кровной мести. Этнографические источники полны примерами мщения исторических или фольклорных действующих лиц, начиная с анахроничных персонажей Ашамаза и Батраза, рожденных для мщения за убитых отцов. В средневековой песне о народном герое Андемиркане сюжет не заканчивается гибелью героя. Его завершает финальный аккорд – месть друзей Андемиркана за предательское убийство – единственно верная,

согласно обыденному сознанию, развязка подобной ситуации.

Научная литература, посвященная традиционным общественным институтам народов Кавказа, дополняет многочисленные эпические примеры нормами обычного права, зафиксированными авторами XIX – начала XX в., и материалами XIX – начала XX в., и материалами разбирательств, производимых судебными органами, учрежденными российской администрацией с 1822 г. [1; 2; 3; 4]. Существует обширная библиографическая основа для изучения этого социального института феодального кавказского

общества. Ее основное содержание укладывается в ряд положений, обобщенных Марком Блоком в книге «Феодальное общество» [5]. Но еще за сотню лет до него Михаил Лермонтов, впечатленный экзотикой кавказской жизни, написал стихотворение «Каллы» (искаженное «канлы» – кровный враг), в котором отражены его наблюдения «с натуры», а поэтическое провидение в сочетании с лаконизмом изложения дает нам возможность глубокого проникновения в суть явления. Последуем за этими примерами.

Кровная месть – древний обычай, «обычай дедов и отцов», уходящий корнями в родоплеменную эпоху. Нерушимость следования закону мести обуславливалась стойкой традицией:

Убийство сородича влечет ответное действие – месть за кровь отца, брата, сына:

«Отец твой, мать твоя и брат,
От рук злодея погибая,
Молили небо об одном:
Чтоб хоть одна рука родная
За них разведалась с врагом!»

Оскорбление чести и достоинства члена фамилии (особенно женщин) приравнивалось к убийству и влекло за собой то же наказание – кровную месть. Убийца жил под постоянным прессом грядущего возмездия или должен был бежать. Но и это не освобождало родню виновника от ответственности за совершенное им убийство. Ближайший родственник убитого или оскорбленного берет на себя священное моральное обязательство стать «на земле орудьем мщенья», «палачом». Это предназначение убить убийцу отца, например, внушается сыну с малых лет:

«...ты чудом сохранен
От рук убийц окровавленных,
Чтоб неба оправдать закон
И отомстить за побежденных;
И не тебе принадлежат
Твои часы, твои мгновенья...»

В акте возмездия задействована вся родственная группа, принимавшая на

себя ответственность за исполнение приговора над убийцей. «Между убийцею и родственниками убитого с момента убийства до момента примирения за кровь устанавливаются особые отношения, называемые кровными. Сам убийца весь этот промежуток времени носит название канлы, что значит кровник» [6]. Вооружаясь против обидчика, клан соблюдал правила поведения, схожие с траурными проявлениями (мужчины не брились, вели себя сдержанно, избегали шумных сборищ, свадеб):

«Старайся быть суров и мрачен,
Забудь о жалости пустой;
На грозный подвиг ты назначен
Законом, клятвой и судьбой».

Противоположная сторона противопоставляла активной солидарности мстителей солидарность пассивную. Их поведение строго регламентировалось традиционными запретами, аналогичными обычаям родственного избегания.

Действие одного человека касалось всего клана. И вот одно кровопролитие влекло за собой другое, и рожденная часто из пустяковой обиды распря вооружала друг против друга два дома, две семьи.

«За все минувшие злодейства
Из обреченного семейства
Ты никого не пощади;
Ударил час их истребления!»

В настоящей статье ставится задача рассмотреть обычай кровной мести как элемент повседневного существования горцев в XIX – начале XX в., поэтому из огромного массива научной литературы мы выбрали для зачина работу основателя Школы Анналов Марка Блока в качестве методологического ориентира. А поэтический источник приводится нами для динамичного включения в контекст эпохи. Лермонтов ставит те же вопросы, которые интересны сегодня и нам

В работе анализируются неопубликованные документы XIX в., отложившиеся в архивах КБР. Для хронологического сравнения будут приведены примеры из устных историй, записанных авторами.

Архивные источники, приводимые для обсуждения, являются материалами разбирательств 1820–1880-х гг. между горскими фамилиями или отдельными лицами, вступившими в кровную вражду, и вынесенными на рассмотрение российской колониальной администрации. Случаи, которым они посвящены, раскрывают частные причины возникновения кровопролития.

Так, в октябре 1820 г. в осетинском ауле Кобан был задержан сын кабардинского владельца Арсламбека Биярсланова (из фамилии Кайтукиных) Эдык, известный в Осетии своими грабежами и разбоями. Вместе с Эдыком были схвачены его товарищ Тембот Бекмурзин и двое его подвластных узденей (дворян). В донесении командиру Кабардинского пехотного полка подполковнику Подпряткову упор делался на двух его последних преступлениях: «увозе [из] слободы Воронцовки ...мальчика, равно и убийстве казака Военного казачьего полка Мусатова» [7]. Тем не менее, деяния Эдыка рассматриваются его окружением и местными обывателями как пример мужского удалства, бесстрашия и справедливости: плененный мальчик – военная добыча, угон скота из чужих аулов – привычное занятие феодалов, а убийство казака – победа над вооруженным противником.

Поэтому вопреки мерам, принятым Тагаурским старшиной (феодалом-авт.) Тулатовым, заточившим пленника в каменную башню, Эдыку удалось бежать с помощью местных жителей. Но при победе был убит один из подвластных Тулатова. И вот это обстоятельство спровоцировало акт мести: «из числа двух узденей ...один – Измаил Тохов, Тулатовыми изрублен» [7]. Второй же – отпущен на определенных условиях (возможно, для оповещения о случившемся своих).

Это характерный пример времени, воспетого в романтической литературе. Здесь описан хрестоматийный случай

отмщения. Он отражает образ жизни и нравы высших сословий северокавказских обществ к началу XIX в. – наездничество, как форму военно-политического насилия в принятых социумом пределах. «Набеги дворян и князей были не только образом их жизни, но и способом утверждения самого существования аристократии: добыча позволяла им обеспечивать свои нужды, явно выходявшие за пределы витальных, и в то же время представлять ее обществу как побочное, не значащее явление при престижном осуществлении насилия» [8].

Однако любое социальное явление преломляется сквозь призму повседневных обстоятельств, оговорок, индивидуальных эмоций и из героической песни может превратиться в вульгарный фарс.

Так, в течение 1831–1832 гг. тянулось разбирательство о вражде между жителями селения Аргудан – владения князя Биаслана Хамурзина. Дело было в январе 1831 г., когда «по магометанскому обряду было поминовение по усопшим родственниках» [9]. Причинами кровной ненависти указывались два оскорбительных действия. За торжественной трапезой некий холоп узденя Магомета Жамбекова Кар-Алий Койшев (37-ми лет) подвергся насмешкам по поводу возможной любовной связи его матери с соседом Ахматом Гергиевым. Источник подчеркивает преклонный возраст, вдовый статус женщины и немощность старика, что превращало шутку в циничное оскорбление. Подогретый выпитой брагой, Кар-Алий Койшев бросился во двор Гергиевых и ударил обломком косы хозяина усадьбы – того самого старика, от чего он через несколько дней скончался.

Вернувшийся домой 18-летний сын Гергиева, Муса «в ту же минуту, имея в руках палку, выбежал на улицу, где повстречался с ...меньшим братом убийцы Ясинеем, будучи же он Гергиев раздражен поступком брата Ясинеева ...и зрителем истекавшей кровью у отца его Гергиева,

ударил в беспамятстве оного брата Койшева Ясиenea несколько раз палкою» [9]. Через трое суток Ясиenea умер.

При дальнейшем разбирательстве военным судом вдруг всплыли обстоятельства, предшествовавшие описанным событиям. Фигуранты дела и свидетели показали, что начало ссоры было связано с оскорбительными действиями дворянина, которому служил Койшев: «в тот день господин его узденъ Магомет-Гирей Жамбеков в пьяном виде обрезал у собаки, принадлежавшей старику Гергиеву, хвост, за что старик, по отбытии господина его Койшева в свой дом, бранился как того господина, так и самого его Койшева». И. Бабич, проанализировавшая основные компоненты института кровной мести, указывает на особо оскорбительный характер действий, наносящих ущерб домашним животным, и приводит несколько документальных примеров аналогичных оскорблений [10]. Наиболее частыми конфликтами, которые рождали кровную месть, были оскорбления мужчин намеком на его незаконнорожденность или нецензурными словами или, например, путем отрезания хвостов у животных (коров, лошадей, собак) «Если у кабардинца была убита собака, лошадь или какое-нибудь другое животное, то между его хозяином и виновным в этом убийстве устанавливалась вражда. Через некоторое время потерпевший также старался причинить какой-либо имущественный ущерб виновному... Если имущественный ущерб был причинен животным, то у осетин в этом случае, как правило, совершалась месть по отношению к хозяину [10].

В отличие от рассмотренного выше случая с князем Эдыком, связанным с практикой набеговых походов, с традициями наездничества и их последствиями, во втором случае приводится обыденный пример возникновения ссоры на «бытовой» почве.

В первом случае – кровь проливается в результате вооруженного столкновения равных противников, находящихся в одном культурном поле жестокого мужского сообщества, и кровная месть совершается по законам «высокого» жанра. Князь Эдык не разбойничает в своем уделе, вызывает уважение неприятеля своим мужеством и действует согласно кодексу дворянской чести. Он подвергается неслыханному наказанию, ограничивающему его свободу – заточению в башню, и жители осетинского аула помогают даже ему бежать.

Во втором случае ссора возникает на почве пьянства и сопровождается оскорбительными действиями (как, например, отрубание хвоста чужой собаки) и оскорбительными словами, порочащими честь матери. Результатом такой ситуации становятся поступки, несовместимые с этнической и гендерной ментальностью: нападение на слепого старика (а не на источник лживого заявления), кровавая ссора между соседями, не дозволяемое религиозной и традиционной культурой пьянство. Подобное развитие сценария кровного противостояния можно назвать «профанным» – обыденным, простонародным. Численно преобладающая над княжеским сословием масса мелких дворян и крестьян принимала этику аристократов за образец и оправдывала им частные бытовые преступления.

Дело 1828 г. об убийстве абазинским узденем Дохом Арслановым своего сеньора князя Жамбулата Дударукова можно рассматривать как срез повседневности кавказского социума на перепутье разных судебных систем (аутентичной, шариатской и российской). Ссора между фигурантами возникает на почве угона двух быков Дударуковым у Арсланова. Из противоречивых показаний свидетелей становится ясно, что Арсланов, расценив поступок князя как бесчестный, при встрече пытается выяснять отношения, в результате чего происходит убийство Ду-

дарукова. В ходе расследования вскользь упоминается о смерти отца узденя от рук старшего Дударукова, и, возможно, именно это и вызвало крайнюю реакцию Доха Арсланова. По установкам же обычного права «право кровной мести было запрещено по отношению к представителям вышестоящих сословий. Нарушение этого порядка влекло за собой самые строгие меры наказания» [11; 4]. Это отмечают дореволюционные авторы Л.Я. Люлье, Ф.И. Леонтович, К.Ф. Сталь, В. Кудашев и др. Но в повседневной жизни, как мы видим, случается конфликт правовых установок с этическими: безнаказанность убийства подданного и эмоциональное, но «незаконное» желание отомстить за него князю. Поводом для эскалации конфликта становится воровство быков господином у *своего* вассала, что обсуждается и осуждается общественным мнением, как недостойное поведение ответственного за своих подданных вышестоящего по положению. «Сын Зурба Дударукова Жамбулат имел на него [Доха Арсланова] злобу за то, что будто бы он ... разгласил по аулам о воровстве Жамбулатом каких-то пары быков, напав на него Арсланова с ружьем, пистолем и шашкою, хотел его убить» [12].

Так как конфликт вышел за рамки обычного устного права, его решение пытались перевести в юридическое поле шариата: «был составлен шариат и Арсланов приговорен по оному к смерти, чтобы по связанию рук князь Дударуков в отмщение на смерть сына своего отрубил ему голову» [12]. Однако, шариатские наказания с применением нанесения телесного вреда так и не получили распространения в Кабарде, похоже, что подобные вердикты выносились для устрашения, угрожая возможным развитием судебного разбирательства. Дело, в конце концов, было передано в российский военный суд под предлогом того, что участники разбирательства «уже принесли на верность подданства Российскому престолу

присягу» [12]. Решение этого суда было адаптировано к местным обычаям, по которым убийство князя его вассалом наказывалось изгнанием. Арсланов был переселен «по воле начальства на жительство в Кабарду» [12].

Таким образом, анализ приведенного случая из 1828 г. позволяет выявить несколько характерных особенностей повседневной жизни. С одной стороны, право мести вышло за рамки сословных ограничений, когда категории нижестоящих сословий не имели права адекватно отвечать на обиду и пролитую кровь в отношении своих владельцев. Кабардинский Временный суд при разборе дела об убийстве князя Атажуко Казиева указывал, что в обычном праве не предусмотрена «цена крови» за подобные преступления: «собранные по этому делу владельцы аулов, почетные старики уздени и вольные показали, что за подобные преступления примеров взыскания они не помнят, что во всяком случае семейства убийцев не должны оставаться в кабардинском обществе» [13].

На Центральном Кавказе, после установления в Кабарде колониальной администрации, ситуация настолько изменилась, что подданные стали остро реагировать на превышение власти их сеньорами, нарушать традиционные установки адата, чувствовать себя свободными от прежних обязательств. С другой стороны, князь дискредитировал свое звание, нарушив установленную «коренными обычаями и образом мыслей народа» ответственность князей за «предохранение подвластного им колена от чужеплеменного насилия и внутреннего беспорядка; в противном случае, их подвластные уходили к другим племенам или другим образом искали себе защиты» [14]. Более того, князь угоняет скот у собственных подданных, нападает на них или совершает убийство вассала, находящегося под его покровительством. Все эти обстоятельства позволили Доху Арсланову

осуществить кровную месть над Жамболатом Дударуковым.

Конфликту между таубиями (владельцами) и каракиши (свободными крестьянами) Чегемского общества Балкарии посвящены материалы дела, разбиравшегося в Горском Словесном суде в начале 1870-х гг. Суть его состоит в том, что по правилам бегенды – традиционного поземельного института – свободные крестьяне Мамашевы арендовали у князей Келеметовых участок земли, который мог быть в любое время выкуплен прежними владельцами обратно. Перераспределение феодальных и общинных владений по земельной реформе 1863-1869 гг. создало условия для оспаривания прежних княжеских привилегий. Видимо, на почве этого возникает ссора между бывшими землевладельцами и их арендаторами. Таубий Хили Келеметов, фигурант вышеуказанного дела, оспаривал право на свои прежние угодья, чем вызвал недовольство чегемских обывателей. Ранней весной 1871 г., когда начинаются сезонные работы, он был «окружен толпою чегемцев, которые были вооружены и грозили ему смертью, и Хили, ... спасая свою жизнь, принужден был убить [Исмаила] Мамашева» [15], местного каракиши. Это событие стало началом кровного преследования Келеметовых Мамашевыми, которые «клянутся непримиримой враждою ко всему роду Келеметовых и местию по обычаю» [15]. Однако, судя по документам, к мести подключилось все крестьянское население аула, около двухсот дворов объединились против своих таубиев и «приняли присягу в том, что все они будут враждовать фамилии [Келеметовых]» [15]. Конфликт перерос из обыденного в социальный: «в первых числах сего месяца, Старшиною общества был назначен общий сход для выбора помощника Старшины, и аульного судьи, при этом все общество разделилось по сословиям, тут же отделились и каракиши, чтобы посоветоваться, кого

выбрать, но потом вместо того, чтобы заняться выбором должностных, они подстрекаемые Бекмурзою Мизиевым, Джашау Джангуровым, Исмаилом Кожиковым и Тебо Кудаевым дали клятву на Коране преследовать по обычаю весь род Келеметовых, о чем и прислали сказать Старшине с тем, чтобы он предварил об этом последних, и донес бы начальнику каракишами постановление» [15]. Как мы видим, в пореформенный период крестьяне освобождаются от сословных обязательств перед своими владельцами, и родовые обычаи кровомщения становятся формой сословного противостояния: «Всех этих лиц обвиняют не только в подстрекательстве общества против Келеметовых, но и во многих других беспорядках, в которых они являлись первыми зачинщиками и подавали собою дурной пример для прочих своих односельцев» [15].

Так, некий Хажи Осман Трамов, повстречавший группу таубиев, ехавших друг за другом по узкой горной тропе «в семи верстах от первого в Чегеме аула», поравнялся с последним в цепочке Келешпи Келеметовым, братом Хили и «нанес ему удар плетью и пока он откинул надетую наперед бурку, Трамов немного проехал вперед, тогда Келеметов в свою очередь тоже ударил его наотмашь плетью, после чего Трамов нанес ему рану кинжалом (в левую половину задних мягких частей тела) ... в ширину на 1 вершок, черкеска, бешмет и шаровары оказались разрезанными» [16].

По свидетельству Келеметова, он не мог ожидать нападения от этого человека, так как не считал его родственником Исмаила Мамашева. О том же говорит опекун вдовы и сирот убитого Исмаила Мамашева и его ближайший родственник Маиль Ахматов. Отвечая на претензию начальника округа, почему о нарушении его запрета преследовать кровной местию семью Келеметовых (распоряжение об этом объявлено через старшину

общества всем жителям, а ему вместе с другим опекунами особо было приказано объявить об этом запрете всем родственникам Мамашева), сказал, что «Трамову, как не родственнику, не считал нужным объявлять» [16].

Вражда длилась довольно долго. Ровно через год после убийства Мамашева было совершено покушение на другого брата Келеметова – Ногая. Его подстерег односельчанин Тебо Кудаев у Горского Словесного суда в Нальчике. Во избежание продолжения мести со стороны чегемских каракиши Ногай Келеметов вынужден был просить защиты у начальника Георгиевского округа.

Таким образом, ко второй половине XIX в. под воздействием административного вмешательства колониальных властей обычаи кровной мести претерпевают определенные метаморфозы: 1) учащаются случаи отмщения за убийство или имущественный ущерб представителям вышестоящих сословий; и 2) сословная группа, отождествляя себя с фамильно-родовой, применяет обычай кровомщения как форму социального сопротивления.

В контексте повседневного существования социума встает вопрос о том, как при известной частоте мужских конфликтов и жесткости идеологии мести народ сдерживает эскалацию враждебных отношений между фамилиями?

В историко-этнографических исследованиях кавказского обычного права подробно рассмотрена, систематизирована и проанализирована так называемая система композиций – штрафов, материальных компенсаций за кровь и оскорбление разных категорий населения [17; 18; 19; 11]. Не касаясь в данной статье всех вариантов композиций, приведем несколько архивных документов о частных случаях урегулирования кровного конфликта мирным путем, иллюстрирующих повседневную реальность.

Неумышленные убийства, убийства по неосторожности, как правило, в обыденной жизни разрешались договоренностью сторон. Пострадавшая сторона после публичного разбирательства случая требовала от убийцы и его родственников признания вины, ставила ряд условий для возмещения потери, в том числе, материальную компенсацию.

Так, в 1866 г. начальнику Кабардинского округа поступило прошение от балкарца Магомета Биева. Биев рассказывает, что у него уже год скрывается эмчек¹ Огурли (Огурлу – *Авт.*) Даутов, который, находясь в состоянии опьянения, на свадьбе во время традиционной беспорядочной стрельбы в воздух случайно попал в своего двоюродного брата Бекира Куянокова. «Какой-либо вражды между ними не было, что подтверждают все жители нашего общества – напротив, между ними была самая тесная дружба» [20]. Более того – эти двое «были между собой родственники, родились от двух родных сестер. Имели между собой присягу, что, если кто-нибудь кого из них ударит, заступиться должен другой. В ссоре между собой они никогда не были...» [20], что подтвердили соседи и односельчане. Огурли Даутов понимает, что вряд ли его будут преследовать столь близкие родственники, но из чувства вины и уважения к обычаю не может жить как прежде на виду у семьи брата, ведет себя как заслуживший кровную месть: покидает свой дом, свой аул, «скрывается» у своего искусственного родственника – покровителя по молочному родству. Магомет Биев все это время по законам гостеприимства обеспечивает ему кров, стол, безопасность. Но, в конце концов, признается, что это «крайне отяжеляет как... его, так и его [Даутова] семейство, которое нуждается в его помощи ...и терпит притеснения со стороны истцов целый год» [20]. Дело тянулось еще почти год, пока окружной суд не вынес решение о примирении сторон: заплатить за неумышленное убийство

лишь половину принятой компенсации – 250 рублей (часть суммы деньгами, другую – скотом), а также в знак примирения подарить лошадь. Завершающим примирение аккордом должно стать приглашение на обед семьи и родни убитого. В решении суда оговорено даже количество блюд (10) и напитков (3 кадушки пива) [20].

Между строк документа читаются нюансы реальной картинки из жизни сельского балкарского социума середины XIX в.: шумная свадьба с обилием бозы (пива), с веселой бесшабашной стрельбой, знаменующей привоз невесты; нечаянное убийство брата; вина и раскаяние убийцы, его бегство к молочному брату; свято выполняемые законы гостеприимства и их столкновение с бытовыми и материальными проблемами. Мы можем даже представить себе тот обед, который собирает за обильным столом мудрых стариков. Они увещевают горячих юношей, приводя аналогичные примеры из жизненного опыта, произносят умиротворяющие благопожелания. Совместное принятие пищи в традиционной культуре символизирует укрепление, восстановление связей. Особой приметой времени является обращение к российской судебной системе, которая использует местные адаты для решения проблемы.

Чаще всего в судебных материалах встречаются предписания (клятвы, присяги, расписки), обязывающие виновного в убийстве и членов его семьи избегать встреч с членами семьи пострадавшей стороны. Так, в вышеописанном деле Келеметова-Мамашева упоминалась присяга на Коране в том, «чтобы не знаться и прекратить всякое с ними [Келеметовыми] сношение, ... чтобы Келеметовы с ними не встречались, во избежание могущего случиться несчастья» [21].

Пример подробного текста аналогичной присяги содержит расписка от 10 июля 1882 г., подписанная жителями

Хуламского общества четырьмя братьями Кучмезовыми: «даем сию настоящую подписку старшине своему Жарихмату Шакманову в том, что мы по обычаю существующему в горских населенных между убийцей и убитым, обязуемся избегать встреч где-либо с родными братьями и сыновьями убитого братом нашим Чигу Кучмезовым Келета Кургокова, если и встретимся, то обязуемся отстраниться от дороги и избегать ходить в посещаемые кем-либо из братьев и сыновей Келета Кургокова: танцы, поминки, общественные сходы и в мечеть, в том и подписуемся» [22].

Таким образом, с одной стороны, общество предотвращало усугубление конфликта, с другой – наказывало виновного в убийстве и его родственников, исключая их на длительный срок из коллективной жизни социума.

Реконструкция повседневной жизни прошлого требует преодоления стереотипов, высокомерного взгляда на прошлое из современности. Приведем тревожащий воображение пример из 1886 г. «10-го сего июня житель Безенгиевского общества Атаку Бакиев, занимаясь цельной стрельбой, безо всякого умысла нечаянно убил пятилетнего мальчика сына Тенгиза Суншева Бек-Мурзу, играющего недалеко от линии и незамеченного им» [20]. При очевидной случайности убийства, кровную месть пытаются предотвратить клятвой обеих сторон. Заложенный в основе кавказской вендетты принцип «око за око, кровь за кровь» в этом конкретном случае развивается путем принятия Бакиевым на воспитание другого сына Тенгиза Суншева: «сын за сына». Убийца берет на себя ответственность за здоровье, материальное содержание, достойное воспитание своего кровника, и более того – устанавливает новые отношения искусственного родства, исключая дальнейшую месть.

Красноречивый пример аналогичного возмещения за убийство дает нам

история из 1918 г. Селение Куба занимают белые. Несколько белогвардейцев в отсутствие хозяина врываются в дом Тулы Афаунова, активно поддерживавшего советскую власть. Один из них – сосед Лялю Винов – для устрашения стреляет в сторону, но пуля отскакивает от рамы зеркала и рикошетом попадает в ногу жены Афаунова – Зазы. Через сутки она умирает от газовой гангрены. Год спустя власть меняется. Тула был одним из самых уважаемых людей села, и чтобы избежать кровной вражды с ним и общественного осуждения за убийство его жены – матери шестерых детей, Винов без его ведома похищает для него девушку, возмещая «жену за жену» (Записано со слов Афауновой Раисы Туловны (1932–2013 гг.), г. Нальчик). Переходя к осмыслению повседневных реалий этой истории, приведенной для иллюстрации механизмов регуляции кровомщения, мы вновь делаем микросрез исторического фона описываемых событий: гражданское противостояние, верность и предательство, горькое вдовство и сиротство. Несмотря на трагические обстоятельства истории, примирительный финал имел благотворные последствия для судеб обеих семей.

В заключение еще раз повторимся, что задачей статьи служило желание взглянуть на законы кровной мести с точки зрения повседневного существования традиционного кавказского общества. Для иллюстрации этих обычаев и анализа поводов к кровомщению и его последствий из многочисленного круга источников были выбраны типичные, но неопубликованные архивные документы и устные истории. Первый датируется 1820 г., а последний источник – 1918–1919 гг. Их последовательное изучение приводит к выводу об очевидном кризисе рассматриваемого института за эти

сто лет. Судебные дела отражают изъятие колониальными властями прав урегулирования проблем, связанных с кровной местью. Мы наблюдаем постепенную трансформацию общественного института, дающего право фамильного возмездия за убийство и оскорбление чести, в мелочное сведение счетов по различным бытовым поводам. Это позволило нам противопоставить «высокие» образцы кавказской вендетты их простонародным эрзац-вариантам.

Однако прямолинейное противопоставление неправомерно, так как реальная жизнь богата многообразием драматических ситуаций, погружение в которые проявляет микроисторическую мозаику эпохи, красочный фон, на котором эта история вершится, где ни один традиционный элемент не существует сам по себе, а является только фрагментом событийно-хронологической цепи. К середине нашего хронологического периода обычаи кровной мести претерпевают заметные изменения: учащаются случаи отмщения за убийство, имущественный или моральный ущерб прежде неподсудной феодальной элите; сословная группа зачастую стала отождествлять себя с фамильно-родовой и применять обычай кровомщения как форму социального сопротивления.

На протяжении веков формулировались болезненные вопросы, как обойти вендетту и сдержать волну мести, как сохранить сородичей от ответственности за действия одного из них, как разрушить предопределение для тех, «кому убийцей быть судьбина велит – тот будь им до конца». Наши документы иллюстрируют народный опыт по стабилизации общества не только через систему композиций, но и посредством моральной компенсации за неумышленное убийство жены, ребенка, брата и т.д.

Примечание:

1. В балкарском языке термином «эмчек» может обозначаться молочный брат – сын аталыка, с которым в семье воспитателя (вассала) рос ребенок князя. Это подтверждается и тем, что Биев (автор прошения) таубий, а Даутов, тот, кого он называет эмчеком, – представитель низшего сословия.

1. *Грабовский Н.* Очерк суда и уголовных преступлений в кабардинском округе // Сборник сведений о кавказских горцах, Тифлис, 1870. Вып. 4. С. 1–78.

2. *Ковалевский М.* Закон и обычай на Кавказе. М., 1890.

3. *Ладыженский А.М.* Адаты горцев Северного Кавказа. Ростов н/Д, 2003.

4. *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882. Вып. 1.

5. *Блок М.* Феодалное общество. М., 2014.

6. *Семенов Н.* Туземцы Северо-Восточного Кавказа (Рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах и образцы поэзии этих народцев). СПб., 1895.

7. Управление Центрального государственного архива архивной службы Кабардино-Балкарской республики (УЦГА АС КБР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3.

8. *Дмитриев В.А.* Насильственные действия и их проявления в традиционном и современном социуме адыгов // Антропология насилия. СПб., 2001.

9. УЦГА АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22.

10. *Бабиц И.Л., Плиев А.А.* История кровной мести у ингушей и чеченцев (1870–1960-е годы) // Юридические исследования. 2018. № 3. С. 42–57.

11. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX. Нальчик, 1994.

12. УЦГА АС КБР. Ф. И-1. Оп.1. Д. 23.

13. УЦГА АС КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 104.

14. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1978.

15. УЦГА АС КБР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 153.

16. УЦГА АС КБР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 60.

17. *Бабиц И.Л.* Судебная реформа и обычное право в адыгской общине // Этнографическое обозрение. 1999. № 2. С. 17–30.

18. *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967.

19. *Думанов Х.М.* Якуб Шарданов. Из истории изучения обычного права кабардинцев. Нальчик, 1988.

20. УЦГА АС КБР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 315.

21. УЦГА АС КБР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 153.

22. УЦГА АС КБР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 893.

Tekueva, Madina A. – Kh.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University (Nalchik, Russia); tekuevamadina@gmail.com

Nalchikova, Elena A. – Kh.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University (Nalchik, Russia); elenalchik@yandex.ru

Gugova, Marina Kh. – Institute for Humanitarian Research (Nalchik, Russia);
gugowa@mail.ru

Barazbiev, Muslim I. – Kh.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University (Nalchik,
Russia); muslim1971@yandex.ru

CRIME AND PUNISHMENT IN THE TRADITIONAL CAUCASUS: BLOOD
REVENGE AND EVERYDAY ROUTINE.

Keywords: blood revenge, daily routine, custumal law, North Caucasus, Kabardians, Balkars,
court.

The paper focuses on blood revenge and considers this institution in terms of microhistory. Persistence of traditional perception and its relics stipulate the relevance of the research. The study of roots and specific circumstances that bring about vindictive punishment for insult or murder in the North Caucasus sheds light on evolution and decline of this social institution. For the analysis, we processed previously unpublished sources of the Central State Archive of KBR dated 1820-1919. In the context of everyday existence of a community, more urgency is ascribed to the questions how to curb the wave of revenge, how to save the family, the clan from responsibility for the actions of one of its members, how to protect their descendants from taking on the burden to kill. The historical and anthropological approach to the study of these documentary facts makes it possible to “enliven” the history of private details and experiences of those involved. The documents reflect the emotional ties of family members and attempts to get out of the traditional demands for revenge through amendments to it that deter aggression. It is established that changes in the implementation of blood feud customs among Kabardians and Balkars during the reviewed period and reflected in the above sources can be characterized as a decline of the tradition. Focusing on the everyday background of the events described highlights individual details, fills the studied legal cases with emotional motivations and dramatic consequences of the actions of specific people, reveals compliance of their actions with accepted norms or non-compliance with the laws.

REFERENCES

1. Grabovsky, N. *Ocherk suda i ugovolnykh prestuplenii v kabardinskom okruge* [Essay on the court and criminal offenses in the Kabardian district]. *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of information about the Caucasian highlanders]. Tiflis, 1870, iss. 4, pp. 1–78.
2. Kovalevsky, M. *Zakon i obychai na Kavkaze* [Law and custom in the Caucasus]. Moscow, Tip. A. I. Mamontova and Co, 1890, vol. 1. 303 p.; vol. 2. 319 p.
3. Ladyizhensky, A.M. *Adaty gortsev Severnogo Kavkaza* [Adat of the highlanders of the North Caucasus]. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo SKNTs VSh, 2003. 205 p.
4. Leontovich, F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza*. [Adat of the Caucasian Highlanders. Materials on customary law of the North and East Caucasus]. Odessa, Tipografiya P.A. Zelenogo, 1882, iss. 1. 437 p.
5. Blok, M. *Feodalnoe obschestvo* [Feudal society]. Moscow, Russkaya perspektiva, 2014. 501 p.
6. Semenov, N. *Tuzemtsy Severo-Vostochnogo Kavkaza (Rasskazy, ocherki, issledovaniya, zametki o chechentsah, kumyikah i nogaysah i obraztsyi poezii etih narodtsev)* [Natives of the North-Eastern Caucasus (Stories, essays, research, notes about the Chechens, Kumyks and Nogais and samples of poetry of these peoples)]. St. Petersburg, tip. A. Khomskogo i K, 1895. 488 p.

7. *Upravleniye Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi respubliki (UTsGA AS KBR)* [Administration of the Central State Archives of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic (ACSA AS KBR)]. Fund 1. Inventory 1. Case 3.

8. Dmitriev, V.A. *Nasilstvennyie deistviya i ikh proyavleniya v traditsionnom i sovremennom sotsiore adygov* [Violent acts and their manifestations in traditional and modern Circassian society]. *Antropologiya nasiliya* [Anthropology of violence]. St. Petersburg, Nauka, 2001. 532 p.

9. *UTsGA AS KBR* [ACSA AS KBR]. Fund 1. Inventory 1. Case 22.

10. Babich, I.L., Pliev A.A. *Istoriya krovnoi mesti u ingushei i chechentsev (1870-1960-e gody)* [History of blood feud among the Ingush and Chechens (1870s-1960s)]. *Yuridicheskie issledovaniya* [Legal research]. 2018, iss. 3, pp. 42–57.

11. Kazharov, V.Kh. *Traditsionnyie obshchestvennyie instituty kabardintsev i ikh krizis v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka* [The traditional public institutions of the Kabardians and their crisis in the late XVIII – first half of the XIX century]. Nalchik, El-FA, 1994. 438 p.

12. *UTsGA AS KBR* [ACSA AS KBR]. Fund I-1. Inventory 1. Case 23.

13. *UTsGA AS KBR* [ACSA AS KBR]. Fund 23. Inventory 1. Case 104.

14. Khan-Girey. *Zapiski o Cherkesii* [Notes on Circassia]. Nalchik, Elbrus, 1978. 333p.

15. *UTsGA AS KBR* [ACSA AS KBR]. Fund 3. Inventory 1. Case 153.

16. *UTsGA AS KBR* [ACSA AS KBR]. Fund 3. Inventory 1. Case 60.

17. Babich, I.L. *Sudebnaya reforma i obychnoe pravo v adygsКОЙ obshchine* [Judicial Reform and Customary Law in the Circassian Community]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 1999, no. 2, pp. 17–30.

18. Gardanov, V.K. *Obychnoe pravo kak istochnik izucheniya sotsial'nykh otnoshenii u narodov Severnogo Kavkaza v XVIII – nachale XIX veka* [Customary law as a source for studying of social relations among the peoples of the North Caucasus in the 18th – early 19th centuries]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1960, no. 5, pp. 12–29.

19. Dumanov, Kh.M. *Yakub Shardanov. Iz istorii izucheniya obychnogo prava kabardintsev* [Yakub Shardanov. From the history of the study of customary law of Kabardians]. Nalchik, Elbrus, 1988. 84 p.

20. *UTsGA AS KBR* [ACSA AS KBR]. Fund 24. Inventory 1. Case 315.

21. *UTsGA AS KBR* [ACSA AS KBR]. Fund 3. Inventory 1. Case 153.

22. *UTsGA AS KBR* [ACSA AS KBR]. Fund 22. Inventory 1. Case 893.